

Джером Клапка Джером Трое на четырёх колёсах

Глава I

Желание переменить образ жизни. —
Нравоучительный случай, доказывающий, что
обманывать не стоит. — Нравственное
малодушие Джорджа. — Идеи Гарриса. —
Рассказ об опытном моряке и неопытном,
спортсмене. — Веселая команда. — Опасность
плавания при береговом ветре. —
Невозможность плавания при морском ветре. —
Дух противоречия у Этельберты. — Гаррис
предлагает путешествие на велосипедах. —
Джордж сомневается насчет ветра. — Гаррис
предлагает Шварцвальд. — Джордж
сомневается насчет гор. — План Гарриса
относительно подъема на горы. — Миссис
Гаррис прерывает беседу.

— Нам необходимо переменить на время
образ жизни, — сказал Гаррис.

В эту минуту дверь приоткрылась и в ней
показалась головка миссис Гаррис. Этельберта
прислала ее напомнить мне, что нам не стоит

засиживаться, потому что Кларенс остался дома совсем больной. Лично мне беспокойство Этельберты кажется излишним. Если мальчик с самого утра выходит гулять с тетей, которая при первом же его многозначительном взгляде на витрину кондитерской заходит с ним туда и пичкает его булочками с кремом до тех пор, пока он не начнет утверждать, что в него больше не лезет, — то нет ничего подозрительного в том, что после этого за завтраком он съедает только одну порцию пудинга. Но Этельберта приходит в ужас и решает, что у ребенка начинается какая-то серьезная болезнь.

Миссис Гаррис прибавила еще, чтобы мы поскорее шли наверх, так как Муриэль собирается прочесть нам комическое описание праздника из «Волшебного царства». Муриэль — старшая дочка Гарриса, умная, бойкая девочка восьми лет; мне больше нравится, когда она читает серьезные вещи; но тут все же пришлось ответить, что сейчас мы докурим и придем, а Муриэль пусть подождет. Миссис Гаррис обещала занять ее, насколько возможно, и ушла. Лишь только дверь закрылась, Гаррис повторил прерванную фразу:

— Да, положительно нам нужна перемена обстановки. Возник вопрос, как это устроить. Джордж предложил уехать якобы по делу. Такие вещи могут предлагать разве что холостяки: они

воображают, что замужня женщина не сумеет даже перейти улицу, когда ее выравнивают паровым катком, не говоря уж о том, чтобы разобраться в делах мужа. Я знал одного молодого инженера, который решил съездить в Вену «по делу» и сообщил об этом жене. Она пожелала узнать — по какому делу. Он сказал, что ему необходимо осмотреть земляные работы в окрестностях Вены и написать о них отчет. Она заявила, что тоже поедет. Муж ответил, что считает земляные рвы вовсе не подходящим местом для прелестной молодой женщины. Но оказалось, что она сама это прекрасно понимает и вовсе не намерена ломать ноги по разным канавам и туннелям, а будет ждать его в городе: в Вене можно прекрасно провести время, ходя по магазинам и делая покупки. Выпутаться из глупого положения оказалось невозможным, и мой приятель десять дней подряд осматривал земляные работы в окрестностях Вены и писал о них отчеты для своей фирмы, решительно никому не нужные, которые жена собственноручно опускала в почтовый ящик.

Я не думаю, чтобы Этельберта или миссис Гаррис принадлежали к такому типу жен, но, хотя они и не принадлежат, к «делам» без крайней надобности все-таки прибегать не следует.

— Нет? — возразил я. — Надо быть честным и прямодушным. Я скажу Этельберте, что человек

не может вполне оценить свое счастье, пока оно ничем не омрачено. Я скажу ей, что решаюсь оторваться от семьи на три недели (по крайней мере), чтобы в разлуке полностью осознать, как балует меня счастьем судьба. Я объясню ей, — продолжал я, повернувшись к Гаррису, — что это тебе мы обязаны такой...

Гаррис поспешно опустил на стол стакан вина:

— Я бы предпочел, чтобы ты не объяснял все так дотошно своей супруге, — перебил он, — если она начнет обсуждать подобные вопросы с моей женой, то-, то на мою долю выпадет слишком много чести.

— Ты ее заслуживаешь.

— Вовсе нет. Собственно говоря, ты первый высказал эту мысль; ты сказал, что нерушимое счастье у домашнего очага пресыщает и утомляет.

— Я говорил вообще!

— Мне твоя мысль показалась очень меткой; я хотел бы передать эти слова Кларе, ведь она так ценит твой ум.

— Нет, лучше не передавай, — перебил я, в свою очередь, — вопрос несколько щекотливый, и надо поставить его проще: скажем, что Джордж это выдумал, вот и все.

У Джорджа положительно нет никакого понятия о деликатности, этим он меня очень

огорчает: вместо того, чтобы не медля вывести двух старых товарищей из затруднения, он начал говорить неприятности:

— Вы им скажите, или я сам скажу то, что я действительно предлагал: отправиться всем вместе, с детьми и с моей теткой в Нормандию, в один старый замок, который я знаю; там чудный климат, в особенности для детей, и прекрасное молоко. Я лишь прибавлю, что вы моего плана не одобрили и решили, что одним нам будет веселее.

С таким человеком, как Джордж, нечего любезничать.

Гаррис отвечал ему серьезно:

— Хорошо. Мы снимем этот замок. Ты обязуешься привезти свою тетку, и мы проведем целый месяц в недрах семейства; ты будешь играть с детьми в зверинец: с прошлого воскресенья Дик и Муриэль только о том и толкуют, какой ты чудный гиппопотам. Джорджа дети тоже любят, он займется с Эдгаром рыбной ловлей. Нас будет всего одиннадцать душ — это в самый раз, чтобы устраивать пикники в лесу; Муриэль будет нам декламировать, она знает уже шесть стихотворений, а остальные дети живо нагонят ее.

Джордж, в сущности, почти не способен к сопротивлению. Он сразу переменял тон, и даже не изящно: он отвечал, что если у нас хватит низости устроить такую штуку, то, конечно, он ничего не

сможет сделать. К этому он прибавил, что если я не намерен выпить все красное вино сам, то и он попросил бы стаканчик.

Таким образом первый пункт выяснился. Осталось только решить окончательно — каким образом мы можем развеяться.

Гаррис, по обыкновению, стоял за море: ему была известна какая-то яхта, с которой мы могли бы отлично управиться сами без лентяев-матросов, сводящих на нет всю романтику плавания; но оказалось, что и мы с Джорджем знаем эту яхту. Она вся пропитана запахом трюмной воды, которого не может развеять и самый свежий морской ветер; негде спрятаться от дождя, кают-компания длиною в десять футов, а шириной в четыре, и половина ее занята разваливающейся печкой; утреннюю ванну приходится брать на палубе и потом ловить полотенце, которое подхватило ветром. Гаррис с юнгой взяли бы на себя самую интересную работу с парусами, а мне с Джорджем предоставили бы чистить картофель — уж я это знаю.

Мы отказались.

— Ну, найдем в таком случае хорошую настоящую яхту со шкипером, — предложил Гаррис, — и будем путешествовать как аристократы.

Этому я тоже воспротивился. Уж я-то знаю,

что значит иметь дело со шкипером! Его любимое занятие — стоять на якоре против излюбленного портового кабака и ждать попутного ветра.

Много лет назад, когда я был еще молод и неопытен, мне довелось узнать, чего стоит «плавание» на наемной яхте со шкипером. Три обстоятельства вовлекли меня в эту глупость: во-первых, я по случаю хорошо заработал; во-вторых, Этельберте ужасно захотелось подышать морским воздухом, и в третьих, мне попало на глаза заманчивое объявление в газете «Спортсмен»:

«Любитель морского спорта. — Редкий случай! «Головорез», 28-тонный ял. Владелец судна из-за внезапного отъезда согласен отдать свою «борзую моря» внаем на какой угодно срок. Две каюты и кают-компания; пианино Воффенкопфа; вся медь на судне новая. Условия: 10 гиней в неделю. Обращаться к Пертви и К°, Бокльсберри».

Это объявление волшебным образом обращало въявь мои тайные мечты. «Новая медь» меня не интересовала: нас устроила бы и старая, даже без чистки, но «пианино Воффенкопфа» меня покорило!.. Я представил себе Этельберту, наигрывающую в вечерний час мелодичную песню с припевом, который стройно подхватят голоса

команды... А наша «борзая моря» несется легкими скачками по серебристым волнам...

Я взял кеб и немедленно разыскал третий номер по Бокльсберри. Мистер Пертви оказался ничуть не гордым джентльменом; я нашел его в конторе довольно скромного вида в третьем этаже. Он продемонстрировал мне изображающую яхту акварель: «Головорез» шел крутым галсом, палуба была наклонена к воде почти под прямым углом; на ней не было ни души — все, очевидно, сползли в море. Я обратил внимание хозяина яхты на такое неудобство положения судна, при котором пассажирам, только и оставалось, что прибивать себя к палубе гвоздями; но он отвечал, что «Головорез» изображен в ту минуту, когда он «огибал» какое-то опасное место на гонках, на которых взял приз. Об этом мистер Пертви поведал таким тоном, словно это событие известно всему миру; поэтому мне не захотелось расспрашивать о подробностях. Два черных пятнышка на полотне возле рамы, которые я принял сначала за мошек, оказались яхтами, пришедшими вслед за «Головорезом» в день знаменитой гонки. Фотографический снимок того же судна, стоящего на якоре в Гревзенде, производил меньшее впечатление, но так как все ответы на мои вопросы удовлетворили меня, то я сказал, что нанимаю яхту на две недели. Мистер Пертви нашел такой срок

очень подходящим: если бы я захотел заключить договор на три недели, то ему пришлось бы мне отказать, но двухнедельный срок замечательно удачно совпадал со временем, которое было уже обещано после меня другому любителю спорта.

Затем мистер Пертви осведомился, есть ли у меня на примете хороший шкипер, и когда я сказал, что нет, то это тоже оказалось замечательно удачным (судьбе, видимо, захотелось побаловать меня): у мистера Пертви еще не был отпущен прежний шкипер яхты, мистер Гойльс, — шкипер, который еще никого не утопил и знает море как свои пять пальцев.

«Головорез» стоял в Гарвиче, и, пользуясь свободным утром, я решил съездить и осмотреть его сейчас же. Я еще поспел к поезду в 10 ч. 45 м. и около часу был на месте.

Мистер Гойльс встретил меня на палубе. Это был добродушный толстяк весьма почтенного вида. Я объяснил ему мое намерение обогнуть Голландские острова и затем подняться к северу к берегам Норвегии.

— Вот-вот, сэр! — отвечал толстяк с видимым одобрением и даже восторгом.

Он увлекся еще больше, когда начали обсуждать вопрос о съестных припасах и потребовал такое количество провианта, что я был поражен: если бы мы жили во времена адмирала

Дрейка или испанского владычества на морях, я подумал бы, что мистер Гойльс собирается в дальний и, пожалуй, пиратский рейд. Однако он добродушно засмеялся и уверил меня, что ничего лишнего мы не возьмем: если что-нибудь останется, то матросы поделаются и возьмут с собой по домам. Так уж повелось на этой яхте. Когда количество съестных припасов было определено и очередь дошла до крепких напитков, то я понял, что мне их придется заготовить на целую зиму, но смолчал, чтобы не показаться скупым. Только когда мистер Гойльс с большой заботливостью осведомился, сколько бутылок будет взято собственно для матросов, то я скромно заметил, что не намеревался устраивать никаких оргий.

— Оргий! — Повторил мистер Гойльс. — Да они выпьют эти жалкие капли с чаем. Надо нанимать толковых людей и обращаться с ними хорошо, тогда они будут отлично работать и являться по первому вашему зову.

Я не чувствовал желаний, чтобы они являлись по первому моему зову; у меня в сердце зародилась антипатия к этим матросам, прежде чем я их увидел. Но мистер Гойльс был очень напорист, а я очень неопытен и подчинился ему во всем. Он обещал, что «не будет шляпой и справится со всем сам, с помощью всего лишь двух матросов и одного юнги». Не знаю, к чему последнее относилось — к

провианту или к управлению яхтой.

По дороге домой я зашел к портному и заказал себе подходящий костюм с белой шляпой; портной обещал поспешить и приготовить его вовремя. Когда я, вернувшись, рассказал все Этельberte, она пришла в восторг и тревожилась только об одном — успеет ли сшить платье себе. Это было так по-женски!

Наш медовый месяц кончился совсем недавно — и кончился, благодаря случайным обстоятельствам, раньше, чем мы этого желали; поэтому теперь нам захотелось вознаградить себя, и мы решили не приглашать с собой ни души знакомых. И слава Богу, что так решили. В понедельник костюмы были готовы, и мы отправились в Гарвич. Не помню, какой костюм приготовила себе Этельберта; мой был весь обшит узенькими белыми тесемочками и выглядел очень экстравагантно.

Мистер Гойльс радушно встретил нас на палубе и сообщил, что завтрак готов. Надо отдать ему должное: поварские способности у него были отменные. О способностях остального экипажа мне судить не пришлось, одно могу сказать — ребята были не промах.

Я думал, что как только команда отобедает, мы подыдем якорь и выйдем в море. Я закурю сигару и вместе с Этельбертой буду следить,

облокотившись на поручень, за мягко тающими на горизонте белыми скалами родного берега. Мы исполнили свою часть программы, но на совершенно пустой палубе.

— Они, кажется, не спешат отобедать, заметила Этельберта.

— Если они в две недели собираются съесть хотя бы половину запасов, то нам их нельзя торопить; не успеют, — отвечал я.

Прошло еще какое-то время.

— Они, вероятно, все заснули! — заметила опять Этельберта. — Ведь скоро пять часов, пора чай пить.

Тишина действительно стояла полная. Я подошел к трапу и окликнул мистера Гойльса. Мне пришлось кликнуть три раза, и только тогда он явился на зов. Почему-то он казался более старым и рыхлым, чем прежде; во рту у него была потухшая сигара.

— Когда вы будете готовы, капитан, мы тронемся, — сказал я.

— Сегодня мы не тронемся, с вашего позволения, сэр.

— А что такое сегодня? Плохой день?

Моряки — народ суеверный, и я подумал, что нынешний денек мистеру Гойльсу чем-нибудь не понравился.

— Нет, день ничего, только ветер, кажется, не

хочет меняться.

— А разве ему нужно меняться? Как будто он дует прямо в море.

— Вот-вот, сэръ! Именно: он бы и нас отправил прямо в море, если бы мы снялись с якоря. Видите ли, сэръ, — прибавил он в ответ на мой удивленный взгляд, — это ветер береговой.

Ветер был действительно береговой.

— Может быть, за ночь переменится! — И, ободрительно кивнув головой, мистер Гойльс разжег потухшую сигару. — Тогда тронемся: «Головорез» — хорошее судно.

Я вернулся к Этельберте и рассказал о причине задержки. Она была уже не в том милом настроении, как утром, и пожелала узнать, почему нельзя поднять паруса при береговом ветре.

— Если бы ветер был с моря, то нас выбросило бы обратно на берег, — заметила она. — Кажется, теперь самый подходящий ветер.

— Да, тебе так кажется, дорогая моя, но береговой ветер всегда очень опасен.

Этельберта пожелала узнать, почему береговой ветер всегда очень опасен. Ее настойчивость огорчила меня.

— Я этого не сумею объяснить, но идти в море при таком ветре было бы ужасным риском, а я тебя слишком люблю, моя радость, чтобы рисковать твоей или своей собственной жизнью.

Я думал, что очень мило все объяснил, но Этельберта, посетовав на то, что уехала из Лондона днем раньше, скрылась в каюте.

Мне стало почему-то досадно. Легкое покачивание яхты, стоящей на якоре, может испортить самое блестящее настроение.

Утром я был на ногах чуть свет. Ветер дул прямо с севера. Я сейчас же отыскал шкипера и сообщил ему о своем наблюдении.

— Да, да, сэр. Очень печально, но мы этого изменить не можем.

— Как? Нам и сегодня нельзя тронуться с места!

— Видите ли, сэр, если бы вы хотели идти в Инсвич — хоть сейчас! Сколько угодно! Но наша цель — Голландские острова, вот и приходится сидеть.

Я передал эти новости Этельберте, и мы решили провести весь день в городе. Гарвич — место вообще не веселое, а уж к вечеру и вовсе скучное. Побродив по ресторанам, мы вернулись на набережную. Шкипера на месте не было. Вернулся он через час изрядно навеселе, во всяком случае он был куда веселее нас: если бы я не слышал от него лично, что он пьет ежедневно только один стакан грогу перед сном, то принял бы его за пьяного. На следующее утро ветер задул с юга. Шкипер встревожился, говоря, что если это будет

продолжаться, то нам нельзя ни двигаться, ни стоять на месте. У Этельберты стало возникать чувство острой неприязни к яхте, и она объявила, что предпочла бы провести неделю, принимая морские ванны в безопасной купальне. Два дня прошли в большом беспокойстве. Спали мы на берегу в гостинице. В пятницу ветер зашел с востока. Я встретил шкипера на набережной и сообщил ему радостную весть. Он даже рассердился:

— Что вы, сэр! Если бы вы больше понимали, то видели бы, что ветер дует прямо с моря! Тогда я спросил серьезно:

— Скажите, пожалуйста, что я нанял? Плавучий сарай или яхту? Что это такое?

— Это — ял, — отвечал он, несколько озадаченный.

— Дело в том, — продолжал я, — что если это плавающая дача, то мы купим плюша, побольше цветов и постараемся обустроить жилище поуютнее. Если же эту штуку возможно двинуть с места...

— Двинуть с места! Да нам нужен только попутный ветер.

— А что вы называете попутным ветром?

Шкипер молчал.

— За эту неделю ветер был с запада, с севера, с юга и востока. Если вы мне укажете еще на какую

нибудь часть света, откуда мы должны ждать попутного ветра, то я буду ждать. Но если у вас компас обыкновенный и если наш якорь еще не прирос к морскому дну, то мы его сегодня подыдем!

Он понял, что меня не унять.

— Хорошо, сэр, — ответил он. — Вы хозяин, а я — работник. Теперь у меня остался на попечении только один ребенок, и, в случае чего, ваши душеприказчики, конечно, окажут помощь моей вдове.

Его серьезность поразила меня.

— Мистер Гойльс, — сказал я, — будьте со мной откровенны: бывает ли на свете такая погода, при которой мы могли бы вылезти из этой противной ямы?

— Видите ли, сэр, если бы мы очутились в море, все пошло бы как по маслу; но дело в том, что выйти из гавани на этой скорлупе — дело не шуточное.

Разговор окончился трогательным обещанием шкипера «следить за погодой, как мать за спящим младенцем». В следующий раз я увидел его в полдень: он следил за погодой из окна «Цепи и якоря».

В пять часов того же дня счастье мне слегка улыбнулось: я встретил на улице двух товарищей, которые остановились на время в Гарвиче, так как

на их яхте поломался руль. Наша история не удивила; а рассмешила их: мы забежали за Этельбертой в гостиницу и вчетвером прокрались на наше судно. Мистер Гойльс все еще следил за погодой из окна ближайшего кабака. Застав на месте только юнгу, мы были очень довольны; товарищи взяли на себя управление яхтой, и через час мы уже весело неслись вдоль берега. На ночь остановились в Альдборо, а на следующий день добрались до Ярмута. Здесь надо было расстаться с товарищами и закончить «плавание». Все запасы мы распродали на берегу с аукциона; это было не особенно выгодно, но зато капитану Гойльсу ничего не досталось.

Я оставил «Головореза» на попечение местного моряка, который за пару соверенов взялся перегнуть его обратно. Мы вернулись в Лондон по железной дороге.

Может быть, и бывают яхты не такие, как «Головорез», и шкиперы не такие, как мистер Гойльс, но уникальный собственный опыт восстановил меня против тех и других.

Джордж тоже нашел, что прогулка на яхте была бы слишком хлопотным удовольствием, и таким образом этот план был отброшен.

— Ну а река? — предложил Гаррис. — Ведь мы по ней когда-то славно погуляли!..

Джордж молча затянулся сигарой, я взял

щипцы и раздавил еще один орех.

— Не знаю — заметил я. — Темза теперь стала какая-то другая. Сыро на ней, что ли, но только у меня от речного воздуха всегда ломит поясницу.

— Представь себе, я замечаю то же самое, — прибавил Джордж, — когда я последний раз гостил у знакомых возле реки, то ни разу не мог проснуться позже семи часов утра.

— Я не настаиваю, — заметил Гаррис. — Я это так предложил, вообще, а при моей подагре, конечно, на реке мало удовольствия.

— Мне лично приятнее всего было бы подышать горным воздухом, — сказал я. — Что вы скажете относительно пешего похода по Шотландии?

— В Шотландии всегда мокро, — заметил Джордж. — Я там был два года назад и целых три недели не просыхал, — вы понимаете, что я хочу сказать.

— В Швейцарии довольно мило, — заметил Гаррис.

— В Швейцарию нас никогда не отпустят одних, — сказал я, — мы должны выбирать местность, где не смогут жить ни хрупкие женщины, ни дети; где ужасные гостиницы и ужасные дороги; где нам придется не покладая рук бороться с природой, и, может быть, умирать с

голода.

— Тише, тише! — прервал Джордж, — не забывай, что я отправляюсь с вами.

— Не забывай, отправимся на...

— Придумал! — воскликнул Гаррис. — велосипедах!

На лице Джорджа отразилось сомнение.

— На велосипедах в горы? — А подъемы? А ветер?

— Так не везде же подъемы, есть и спуски, а ветер не обязательно дует в лицо, иногда и в спину.

— Что-то я этого никогда не замечал, — упорствовал Джордж.

— Положительно, лучше путешествия на велосипедах ничего не выдумаешь!

Я готов был согласиться с Гаррисом.

— И я вам скажу, где именно, — продолжал он, — в Шварцвальде.

— Да ведь это все в гору! — воскликнул Джордж.

— Во-первых, не все, а во-вторых — Гаррис осторожно оглянулся и понизил голос до шепота, — они там проложили на крутых подъемах маленькие железные дороги, такие вагончики на зубчатых колесах..

В эту минуту дверь отворилась и вошла миссис Гаррис. Она объявила, что Этельберта одевает шляпку, а Муриэль, не дождавшись нас,

уже прочла описание праздника из «Волшебного царства».

— Соберемся завтра в клубе в четыре часа, — шепнул мне Гаррис, вставая.

Я передал распоряжение Джорджу, поднимаясь с ним по лестнице.

Глава II

Щекотливое дело. — Что должна была сказать Этельберта. — Что она сказала. — Мнение миссис Гаррис. — Наш разговор с Джорджем. — О тьезд назначен на среду. — Джордж указывает на возможность развить наш ум. — Мы, с Гаррисом сомневаемся. — Кто больше работает в тандеме? — Мнение человека, сидящего сзади. — Мнение человека, сидящего спереди. — О том, как Гаррис потерял свою жену. — Здравый смысл моего дяди Поджера. — Начало истории о человеке с мешком.

Я решил атаковать супругу в тот же вечер. План сражения был следующий: я начну раздражаться из-за пустяков, Этельберта это заметит, я должен буду признать ее замечание справедливым и сошлюсь на переутомление; это поведет к разговору о моем здоровье вообще и к

решению принять немедленные и действенные меры.

Я полагал, что тактический маневр такого рода вынудит Этельберту обратиться ко мне с речью в таком роде:

«Нет, дорогой мой, тебе нужна перемена, полная перемена обстановки! Будь благоразумным и уезжай на месяц. Нет, не проси меня ехать вместе с тобой: я знаю, это было бы тебе приятно, но я не поеду. Я сознаю, что мужчине иногда необходимо чисто мужское общество. Постарайся уговорить Джорджа и Гарриса ехать с тобой. Поверь мне, что такой ум, как твой, требует отдыха от рутины домашней жизни. Забудь на время, что детям нужны уроки музыки, новые сапоги, велосипеды и приемы ревенного порошка по три раза в день; забудь, что на свете есть кухарки, обойщики, соседские собаки и счета из мясных лавок. Удались в какое-нибудь место, где ты останешься наедине с природой, где для тебя все будет свежо и ново и где твой истомленный ум воскреснет для новых, светлых мыслей. Уезжай на время: тогда я пойму, как мне пусто без тебя, заново оценю твою доброту и твои достоинства, потому что, как простая смертная, я могу стать равнодушной даже к свету солнца и к красе месяца, видя их постоянно. Уезжай — и возвращайся еще более милым, если это только возможно!» Но даже в том случае, когда наши

желания исполняются, это происходит не совсем так, как мы мечтали. Во-первых, Этельберта даже не заметила моей раздражительности. Пришлось самому указать ей на это. Я сказал:

— Прости меня. Сегодня я себя как-то странно чувствую.

— Разве? Я ничего не заметила. Что с тобой?

— Сам не знаю. В последние недели я чувствую, как на меня наваливается какая-то тяжесть.

— А, это вино! — спокойно заметила Этельберта. — Ты ведь знаешь, что крепкие напитки тебе противопоказаны, а у Гарриса всякий раз пьешь.

— Нет, не вино! Это что-то более серьезное, более духовное, — отвечал я.

— Ну, так ты опять читал рецензии, — заметила она более сочувственно. — Почему ты не слушаешь меня и сразу не бросаешь их в печку?

— И вовсе не рецензии! — отвечал я. — За последнее время мне попались две-три отличные!

— Так в чем же дело? Какая-нибудь причина должна быть.

— Нет никакой причины. В том-то и дело, что я могу назвать это чувство только безотчетным беспокойством, которое охватило все мое существо.

Этельберта поглядела на меня несколько странно, но ничего не сказала. Я продолжал:

— Эта давящая монотонность жизни, эти дни невозмутимого блаженства — они гнетут меня!

— Я бы не стала на это сетовать, — заметила Этельберта. — Могут настать и иные дни, которые будут нам нравиться куда как меньше.

— Не знаю, — отвечал я. — По-моему, при постоянной радости даже боль — приятное разнообразие. Для меня лично вечное блаженство без всякого диссонанса кончилось бы сумасшествием. Вполне признаю, я человек странный; бывают минуты, когда я сам себя не понимаю и ненавижу.

Очень часто монолог в таком роде — с намеками на тайные, глубокие страдания — трогал Этельберту; но в этот вечер она была удивительно хладнокровна; относительно вечного блаженства она заметила, что незачем забегать вперед навстречу горестям, которых, может быть, никогда не будет; по поводу моего признания насчет странности характера она философски посоветовала примириться с подобным фактом, говорила, что это не мое дело, если окружающие согласны выносить мое присутствие. А насчет однообразия жизни согласилась вполне:

— Ты не можешь себе представить, как мне хочется иногда уйти даже от тебя! — заметила она. — Но я знаю, что это невозможно, так и не мечтаю.

Никогда прежде не слышал я от Этельберты подобных слов; они меня ужасно огорчили.

— Ну, это не слишком-то любезное замечание со стороны жены! — заметил я.

— Знаю, оттого я раньше и молчала. Вы, мужчины, никогда не поймете того, что как бы женщина ни любила, но бывают минуты, когда даже любимый человек становится ей в тягость. Ты не знаешь, до чего мне иной раз хочется надеть шляпку и уйти — не давая отчета, куда я иду, и зачем иду, и надолго ли, и когда вернусь! Ты не знаешь, как мне иногда хочется заказать обед, который я и дети ели бы с наслаждением, но от которого ты сбежал бы в клуб! Ты не знаешь, как мне иногда хочется пригласить какую-нибудь женщину, которую я люблю, хотя ты ее терпеть не можешь; пойти в гости туда, куда мне хочется; лечь спать тогда, когда я устала, и встать тогда, когда мне больше не хочется спать! Но люди, которые живут вдвоем, обязаны постоянно уступать друг другу, и это иногда даже полезно.

Впоследствии, обдумав слова Этельберты, я нашел их вполне справедливыми, но тогда пришел в негодование:

— Если тебе хочется от меня отделаться...

— Ну, не изображай идиота. Если я иногда и хочу от тебя отделаться, так только на время, для того, чтобы забыть о недостатках твоего характера;

для того, чтобы вспоминать, какой ты славный в других отношениях, и ждать твоего возвращения домой с таким же нетерпением, как в былые дни, когда твое присутствие еще не вызывало во мне некоторого равнодушия. Я, может быть, несколько излишне привыкла к тебе, но ведь привыкают же и к солнцу!

Мне не понравился этот тон. Этельберта рассуждала о возможной разлуке с мужем каким-то легкомысленным образом, отнюдь не женственным, не подходящим к случаю и вовсе не симпатичным! Мне стало досадно. Мне уже было расхотелось уезжать и развлекаться. Если бы не Джордж и Гаррис — я сразу отказался бы от нашего плана. Но отказываться было поздно, и я не знал, как выйти сухим из воды.

— Хорошо, Этельберта, — отвечал я. — Сделаем так, как ты хочешь: ты отдохнешь от меня. Но если это не дерзость со стороны мужа, то я хотел бы узнать, как ты воспользуешься временем нашей разлуки?

— Мы найдем дачу в Фолькстоне и поедем туда с Кэт. Если ты согласен доставить Клер Гаррис удовольствие, то уговори Гарриса поехать с тобой, а она присоединится к нам. Нам бывало очень весело вместе — прежде, когда вас, мужчин, еще не было на нашем горизонте, — и мы с удовольствием тряхнули бы стариной! Как ты думаешь, —

продолжала Этельберта, — удастся ли тебе уговорить Гарриса?

Я сказал, что попробую.

— Вот милый! — отвечала Этельберта. — Постарайся! Можете уговорить и Джорджа отправиться с вами.

Я заметил, что от Джорджа мало проку, так как он — холостяк, и некому будет воспользоваться его отсутствием. Но женщины, увы, невосприимчивы к юмору. Этельберта в ответ просто заметила, что не пригласить его было бы невежливо. Я обещал ей сделать это.

Я встретил Гарриса в клубе в четыре часа и спросил, как дела.

— О, отлично, — отвечал он. — Уехать вовсе не трудно. — Но в его тоне слышалось сомнение, и я потребовал объяснений.

— Она была нежна, как голубка, — продолжал он уныло, — и сказала, что Джордж очень своевременно предложил эту поездку, которая принесет много пользы моему здоровью.

— Ну, так что ж тут дурного?

— В этом нет ничего дурного, но она заговорила и о Других вещах.

— А! Понимаю.

— Ты ведь знаешь ее давнюю мечту о ванной комнате?

— Слышал. Она и Этельберту подговаривала.

— Ну так вот: я обязан был немедленно согласиться на устройство ванной. Не мог, же я отказать, когда она меня так мило отпустила. Это обойдется мне в сто фунтов, если не больше.

— Так много?

— Еще бы! По одной смете шестьдесят.

Мне стало его жаль.

— А затем еще эта плита в кухне, — продолжал Гаррис. — Считается, что все несчастья в доме за последние два года происходили из-за этой плиты.

— Я знаю, с кухонными печами всегда история. У нас на каждой квартире, со времени свадьбы, дело с ними идет все хуже и хуже. А нынешняя наша плита отличается просто редким ехидством: каждый раз, когда приходят гости, она устраивает забастовку.

— Зато у нас теперь будет отличная плита, — без всякого воодушевления в голосе заметил Гаррис. — Клара решила сэкономить на том, чтобы сделать обе работы одновременно. Мне думается, если женщина захочет купить бриллиантовую тиару, то она будет убеждена, что избегает расходов на шляпку.

— А сколько будет стоить плита? — спросил я. Меня этот вопрос заинтересовал.

— Не знаю. Вероятно, еще двадцать фунтов. И затем рояль. Ты мог когда-нибудь отличить звук

одного рояля от другого?

— Одни будто бы погромче, — отвечал я, — но к этой разнице легко привыкнуть.

— В нашем рояле, оказывается, совсем плохи дисканты. Кстати, ты понимаешь, что это значит?

— Это, кажется, такие пискливые ноты, — объяснил я. — Многие пьесы ими кончаются.

— Ну так вот: говорят, что на нашем рояле мало дискантов, надо больше! Я должен купить новый рояль, а этот поставить в детскую.

— А еще что? — спросил я.

— Больше, кажется, она ничего не смогла придумать.

— Когда вернешься домой, то увидишь, что уже придумала.

— Что такое?

— Дачу в Фолькстоне.

— Зачем ей дача в Фолькстоне?

— Чтобы провести там лето.

— Нет, она поедет с детьми к своим родным в Уэльс, нас приглашали.

— Может быть, она и поедет в Уэльс, но до Уэльса или после Уэльса она поедет еще в Фолькстон. Может быть, я ошибаюсь — и был бы очень рад за тебя, — но предчувствую, что говорю верно.

— Наша поездка обойдется в кругленькую сумму, — заметил Гаррис.

— Джордж преглупо выдумал.

— Да, не надо нам было его слушаться.

— Он всегда все портит.

— Ужасно глуп.

В эту секунду мы услышали голос Джорджа в прихожей: он спрашивал, нет ли писем.

— Лучше ему ничего не говорить, — предложил я, — уже слишком поздно.

— Конечно. Мне все равно пришлось бы теперь покупать рояль и устраивать ванную.

Джордж вошел очень веселый:

— Ну, как дела? Добились?

В его тоне была какая-то нотка, которая мне не понравилась, и я видел, что Гаррис ее тоже уловил.

— Чего добились? — спросил я.

— Как чего? Возможности выбраться на свободу!

Я почувствовал, что пора объяснить Джорджу положение вещей.

— В семейной жизни, — сказал я, — мужчина предлагает, а женщина подчиняется. Таков ее долг. Все религии этому учат.

Джордж сложил руки на груди и вперил взор в потолок.

— Конечно, мы иногда шутим на эту тему, — продолжал я, — но на деле всегда выходит по-нашему. Мы сказали Этельберте и Кларе, что

едем, конечно, они опечалились и хотели ехать, с нами; потом просили нас остаться; но мы им объяснили свое желание — вот и все; не о чем было и толковать.

— Простите меня, — отвечал Джордж, — я не понял. Женатые люди рассказывают мне разные вещи, и я всему верю.

— Вот это-то и плохо. Когда хочешь узнать правду, приходи к нам, и мы тебе все расскажем.

Джордж поблагодарил, и мы перешли к делу.

— Когда же мы отправимся? — спросил Джордж.

— По-моему, чем скорее, тем лучше. Гаррис, вероятно, боялся, как бы жена еще чего-нибудь не выдумала. Отъезд мы назначили на среду.

— А какой мы выберем маршрут? — спросил Гаррис.

— Ведь вы, джентльмены, конечно, хотите воспользоваться путешествием и для умственного развития? — заметил Джордж.

— Ну, не много ль будет! Зачем же подавлять других своим интеллектом? — заметил я. — Хотя до некоторой степени, пожалуй, да, если только это не будет стоить больших трудов и издержек.

— Мы все устроим, — отвечал Джордж. — Мой план таков: поедем в Гамбург на пароходе, посмотрим Берлин и Дрезден, а оттуда — через Нюрнберг и Штутгарт — в Шварцвальд.

Гаррис забормотал что-то; оказалось, что ему вдруг захотелось в Месопотамию: «там, говорят, есть дивные местечки».

Но Джордж не согласился — это было совсем не по дороге, — и он уговорил нас ехать на Берлин и Дрезден.

— Конечно, Гаррис и я поедем, по обыкновению, на тандеме, а Джордж?

— Вовсе нет, — строго перебил Гаррис. — Ты с Джорджем на тандеме, а я отдельно.

— Я не отказываюсь от своей доли труда, — перебил я в свою очередь, — но не согласен тащить Джорджа все время. Это надо разделить.

— Хорошо, — согласился Гаррис, — будем меняться, но с непременным условием, чтобы и Джордж работал!

— Чтобы что?.. — переспросил Джордж.

— Чтобы и ты работал! — строго повторил Гаррис, — и в особенности на подъемах.

— Господи помилуй! Неужели ты сам не чувствуешь никакой потребности в физической нагрузке?

Из-за тандема всегда выходят неприятности: человек, сидящий впереди, воображает, что он один жмет на педали и что тот, кто сидит за ним, просто катается; а человек, сидящий сзади, глубоко убежден, что передний пыхтит нарочно и ничего не делает. Эту проблему решить очень непросто.

Когда осторожность подсказывает вам не убивать себя излишним усердием и справедливость шепчет на ухо: «Чего ради ты его везешь? Ведь это не кеб, и он не седок твой» — то делается как-то неловко при искреннем вопросе товарища: «Что там у тебя? Педаль отвалилась?» Вскоре после своей женитьбы Гаррис однажды попал в весьма затруднительное положение именно из-за невозможности видеть, что делает человек, сидящий за вами на тандеме. Они с женой путешествовали таким образом по Голландии. Дороги были неровные, и велосипед сильно подбрасывало.

— Сиди крепко! — заметил Гаррис жене, не оборачиваясь.

Миссис Гаррис показалось, что он сказал: «Прыгай!» Почему ей показалось, что он сказал «Прыгай», когда он сказал «Сиди крепко» — это до сих пор не известно. Миссис Гаррис объясняет так:

— Если бы ты сказал: «Сиди крепко» — чего ради я бы спрыгнула?

А Гаррис объясняет:

— Если бы я хотел, чтобы ты прыгала, зачем бы я сказал: «Сиди крепко»?

Давнее происшествие все же оставило ядовитый осадок, и они до сих пор спорят по этому поводу.

Словом, миссис Гаррис спрыгнула с тандема в полном убеждении, что исполняет приказание

мужа, а Гаррис помчался вперед, усиленно работая педалями, будучи убежден, что жена сидит у него за спиной. Сначала миссис Гаррис подумала, что ему пришло в голову похвастаться тем, как лихо он въедет на вершину холма один. Они были еще так молоды в те дни и нередко развлекали друг друга подобным образом. Она ожидала, что, покорив вершину, он спрыгнет с велосипеда, картинно облокотясь о руль примет непринужденную позу, и подождет ее. Но когда юная супруга увидела, что ее муж, домчавшись до гребня холма, перевалил через него и исчез по ту сторону, ею овладело сначала изумление, потом негодование и, наконец, ужас. Она взбежала наверх и стала громко звать Гарриса, но он даже ни разу не обернулся. На ее глазах он удалялся с быстротою ветра, пока не исчез в лесу, мили за полторы от холма. Она села и расплакалась. В это утро у них произошла маленькая размолвка, и ей пришло в голову, что, обидевшись, он сбежал! У нее не было денег, она не понимала ни слова по-голландски. Проходившие люди начали останавливаться и собирались вокруг, глядя на нее с сожалением; она старалась объяснить жестами свое несчастье. Они поняли, что она что-то потеряла, но не могли понять, что именно, и отвели ее в деревню. Вскоре там появился полицейский. Тот долго вникал в ее пантомиму и вывел заключение, что у нее украли велосипед. Сейчас же

полетели во все концы телеграммы, и за четыре мили обнаружили в одной деревне злополучного мальчишку, ехавшего на старом дамском велосипеде. Его схватили и привезли в телеге, вместе с велосипедом, к миссис Гаррис. Но та выказала полное равнодушие к одному и к другому, и голландцы отпустили мальчишку на свободу, окончательно оступев от удивления.

Между тем Гаррис продолжал катить на тандеме с большим наслаждением. Ему казалось, что он очень окреп и вообще стал лучше ездить. Вот он и говорит (как думал — своей жене):

— Я уже давно с такой легкостью не ездил на этом велосипеде. Вероятно, это действие здешнего воздуха!

Потом он прибавил, чтобы она не боялась, и он покажет ей, как быстро можно ехать, если работать изо всей силы. И, пригнувшись к рулю, Гаррис полетел стрелой... Дома и церкви, собаки и цыплята мелькали на мгновение перед его глазами и мгновенно исчезали. Старики глядели ему вслед, качая головами, а дети встречали и провожали восторженными криками.

Таким образом Гаррис проехал миль пять. Вдруг — как он теперь объясняет — он почувствовал что-то неладное. Молчание его не поразило: ветер свистел в ушах, велосипед тоже производил поряточный лязг, и Гаррис не ожидал

услышать ответа на свои слова. Но на него вдруг нашло ощущение пустоты. Он протянул назад руку и встретил пустое пространство. Скорее свалившись, чем спрыгнув на землю, он оглянулся: за ним тянулась, окаймленная темным лесом, прямая белая дорога и на ней — ни души... Он вскочил на велосипед и полетел обратно. Через десять минут он был на том месте, где дорога разделялась на четыре ветви. Он остановился, стараясь вспомнить, по которой из них проезжал.

В это время появился голландец, сидевший на лошади по-дамски. Гаррис остановил его и объяснил, что потерял жену. Тот не выказал ни удивления, ни сочувствия. Пока они разговаривали, приблизился другой фермер, которому первый изложил дело не как несчастный случай, а как курьезную историю. Второй фермер удивился, почему Гаррис так беспокоится; последний выбрал обоих, вскочил на тандем и покатил наудачу по средней дороге. Через некоторое время ему повстречались две девицы под руку с молодым человеком, с которым они кокетничали напропалую. Гаррис спросил, не видали ли они его жену. Одна из девушек осведомилась, как та выглядит. Гаррис знал по-голландски недостаточно, чтобы описать дамский туалет, и описал жену самым общим образом, как красавицу среднего роста. Это их не удовлетворило — приметы были

недостаточны; эдак всякий мужчина может предъявить права на красивую женщину и потребовать себе чужую жену! Они желали знать, как она была одета, но этого Гаррис не мог припомнить ни за какие коврижки. Я вообще сомневаюсь, может ли мужчина вспомнить, как была одета женщина, если прошло больше десяти минут со времени их разлуки. Гаррис, впрочем, сообразил, что на его жене была голубая юбка и потом что-то такое от талии до шеи, на чем эта юбка держалась; осталось у него еще смутное представление о поясе; но какого покроя и какого цвета была блуза? Зеленая? голубая? или желтая? С воротником или с бантом? И вообще, была ли это шляпка? Он боялся дать неверные показания, чтобы его не услали Бог знает куда. Девушки хохотали и еще больше раздражали моего друга. Их спутник, которому, видимо, хотелось отделаться от Гарриса, посоветовал ему обратиться в полицию ближайшего городка. Гаррис так и сделал. Ему дали лист бумаги и велели составить подробное описание жены, с указаниями, когда и где он ее потерял. Он этого не знал; все, что он мог сообщить, это название деревни, где они последний раз завтракали; оттуда они выехали вместе. Полиции дело показалось подозрительным — сомнительно было, во-первых, действительно ли потерянная дама — его жена? Во-вторых,

действительно ли он ее потерял? В-третьих, почему он ее потерял?

Кое-как, с помощью хозяина гостиницы, который немного говорил по-английски, Гаррису удалось отвести от себя подозрения. Полиция взялась за дело, и к вечеру доставили миссис Гаррис в закрытой повозке, вместе со счетом. Встреча не была нежной. Миссис Гаррис — плохая актриса и не умеет скрывать своих чувств, а в этом случае, по ее собственному признанию, она и не старалась скрыть их...

Решив, кому из нас ехать на тандеме, а кому на велосипеде, мы перешли к вечному вопросу о багаже.

— Обычный список, я думаю! — сказал Джордж, собираясь записывать.

Это я привил им такое мудрое правило, а меня научил давным-давно дядя Поджер.

— Прежде чем начинать укладываться, — всегда говорил он, — составь список.

Это был аккуратнейший человек.

— Бери лист бумаги, — начинал он, — и запиши все, что может понадобиться. Потом просмотри — и зачеркни все, без чего можно обойтись. Вообрази себя в кровати: что на тебе надето? Хорошо, запиши (и прибавь перемену). Ты встаешь. Что ты делаешь прежде всего? Моешься? Чем ты моешься? Мылом? Записывай: мыло.

Продолжай, пока не покончишь с умываньем. Потом — одежда. Начинай с ног, что у тебя на ногах? Сапоги, ботинки, носки; записывай. Продолжай, пока не дойдешь до головы. Что еще нужно, кроме одежды? Немножко коньяку — записывай. Запиши все, тогда ничего не забудешь.

Такому плану дядя Поджер всегда следовал сам. Составив список, он тщательно просматривал его, чтобы убедиться, не забыто ли что, а затем просматривал вторично — и вычеркивал все, без чего можно обойтись. А затем терял список.

Джордж сказал, что с собой мы возьмем только самое Необходимое, дня на два, а основной багаж будем пересылать из города в город.

— Мы должны быть осторожны, — заметил я. — Я знал однажды человека, который...

Гаррис посмотрел на часы.

— Мы слушаем про твоего человека на пароходе, — перебил он. — Через полчаса я должен встретиться на вокзале с женой.

— Это не длинная история, я расскажу ее меньше чем в полчаса и...

— Не трать ее даром, — заметил Джордж, — мне говорили, что в Шварцвальде случаются дождливые вечера, так мы там, может быть, будем рады твоей истории. Теперь нам нужно окончить список.

Я вспоминаю, что сколько раз ни пытался

рассказать эту историю, так мне ни разу и не удалось. А между тем это была достойная история!

Глава III

Единственный недостаток Гарриса. —

Патентованная велосипедная фара. —

Идеальное седло. Механик-любитель. — Его орлиный взор. — Его приемы. — Его веселый характер. — Его неприязнительность. — Как от него отделаться. — Джордж в роли пророка. — Джордж в роли исследователя человеческой природы — Джордж предлагает эксперимент. — Его осторожность. — Согласие Гарриса при известных условиях.

В понедельник после обеда ко мне зашел Гаррис; у него в руках был номер газеты «Велосипедист».

— Послушайся доброго совета и оставь эту чепуху, — сказал я.

— Какую чепуху?

— Это «новейшее, патентованное, всепобеждающее изобретение, переворот в мире спорта» и т. д. — словом, величайшую глупость, объявление, которое тебя, конечно, прельстило.

— Послушай, ведь нам придется преодолевать

крутые склоны, — возразил Гаррис, — и я полагаю, что хороший тормоз нам необходим.

— Тормоз необходим, это верно, — заметил я. — Но всяких модных механических штук, которые будут выкидывать неизвестно какие номера, нам вовсе не нужно.

— Это приспособление действует автоматически.

— Тем более можешь мне о нем не рассказывать. Я инстинктивно чувствую, что это будет. При подъеме тормоз защежит колесо, как клещи, и нам придется тащить велосипед на плечах. Потом воздух на вершине горы вдруг окажет на него благотворное влияние, и тормоз начнет раскаиваться; за раскаиванием последует благородное решение трудиться и помогать нам — и по дороге с горы гнусное изобретение навлечет только стыд и позор на нашу голову! Говорю тебе, оставь. Ты хороший малый, но у тебя есть один недостаток.

— Какой? — спросил Гаррис, сразу же закипая.

— Ты слишком доверчиво относишься ко всяким объявлениям. Какой бы идиот ни придумал чего-нибудь для велосипедного спорта — ты все испробуешь. До сих пор тебя оберегал ангел-хранитель, но и ему может надоесть эта возня. Не выводи его из последнего терпения.

— Если бы каждый думал так, — возразил

Гаррис, — то в нашей жизни не было бы никакого прогресса. Если бы никто не испытывал новых изобретений, то мир застыл бы на нулевой отметке. Ведь только...

— Я знаю все, что можно сказать в защиту твоего мнения, — перебил я, — и отчасти соглашаюсь с ним, но только отчасти: до тридцати пяти лет можно производить опыты над всякими изобретениями, но после человек обязан остепениться. И ты, и я уже сделали в этом отношении все, что от нас требовалось, в особенности ты — тебя чуть не взорвало патентованной газовой фарой.

— Это была моя собственная ошибка, я ее слишком туго завинтил.

— Совершенно этому верю: ведь по твоей теории, следует опробовать каждую глупость, чтобы посмотреть, что из этого выйдет. Я не видал, что именно ты сделал. Я только помню, как мы мирно ехали, рассуждая о Тридцатилетней войне, когда твоя лампочка вдруг грохнула, и я очутился в канаве; и еще буду долго помнить лицо твоей жены, когда я ее предупредил, чтобы она не беспокоилась, потому что тебя внесут по лестнице двое людей, а доктор с сестрой милосердия прибудет через пять минут.

— Отчего ты тогда не забрал фару? Я хотел бы узнать, отчего она взорвалась.

— Времени не было: ее пришлось бы искать и собирать часа два. А что касается взрыва, то всякий человек, кроме тебя, ожидал бы его — уже по той простой причине, что в объявлении эта фара была названа «безусловно безопасной». А потом, помнишь ту электрическую фару?

— Ну и что? Ты сам говорил, что она отлично светила!

— Да, она отлично светила на главной улице Брайтона, так, что даже испугала одну лошадь; а когда мы выехали в темные предместья, то тебя оштрафовали за езду без огня. Вероятно, ты не забыл, как мы разъезжали с твоей фарой, горящей в яркие солнечные дни, как звезда; а когда наступал вечер, она угасала с достоинством существа, исполнившего свой долг.

— Да, этот фонарь меня немного раздражал, — пробормотал Гаррис.

— И меня тоже. А седла! — продолжал я — мне хотелось пробрать его хорошенько. — Разве есть еще на свете седло, которого бы ты не испробовал?

— Я полагаю, что должны же когда-нибудь изобрести удобные седла!

— Напрасно полагаешь. Может быть, и есть лучший мир, в котором велосипедные седла делаются из радуги и облаков, но в нашем мире гораздо проще приучить себя ко всему твердому и

жесткому, чем ожидать прекрасного. Помнишь седло, которое ты купил для своего велосипеда в Бирмингеме? Оно было раздвоено посередине так, что до ужаса походило на пару почек!

— Оно было устроено сообразно с анатомией человеческого тела! — продолжал защищаться Гаррис.

— Весьма вероятно. На крышке ящика, в котором ты его купил, изображен был сидящий скелет, или, точнее, часть сидящего скелета.

— Что ж, этот рисунок показывал правильное положение те...

— Лучше не входить в подробности, — перебил я, — этот рисунок всегда казался мне бестактным.

— Он был совершенно правилен!

— Может быть, но только для скелета. А для человека, у которого на костях мясо — это одно мучение. Ведь я его пробовал, и на каждом камушке оно щипалось так, словно я ехал не на велосипеде, а на омаре. А ты на нем катался целый месяц!

— Надо же было исследовать серьезно!

— Ты жену измучил, пока испытывал это седло: она мне жаловалась, что никогда ты не был более несносен, чем в тот месяц. — Помню еще седло с пружиной, на которой ты подпрыгивал, как...

— Не с пружиной, а «седло-спираль»!

— Хотя бы и так, но во всяком случае для джентльмена тридцати пяти лет прыгать над седлом, стараясь попасть на него, — занятие вовсе не подходящее.

— Приспичили тебе мои тридцать четыре.

— Сколько?

— Мои тридцать пять лет! Ну как хочешь: если вам с Джорджем не нужно тормоза, то не обвиняйте меня, когда на каком-нибудь спуске перелетите через крышу ближайшей церкви.

— За Джорджа я не отвечаю: он иногда раздражается из-за сущих пустяков. Но я постараюсь тебя выгородить, если случится такая штука.

— Ну а как тандем?

— Здоров.

— Ты его не перебирал?

— Нет, не перебирал и никому не позволю даже прикоснуться к нему до самого отъезда.

Я знаю, что значит разбирать и перебирать машины. В Фолькстоне на набережной я познакомился с одним велосипедистом, и мы с ним однажды условились отправиться кататься на следующий день с самого утра. Я встал, против обыкновения, рано — по крайней мере раньше чем всегда — и, сделав такое усилие, остался очень доволен собой; благодаря хорошему настроению,

меня не рассердило то, что знакомый заставил себя ждать полчаса. Утро было прелестное, и я блаженствовал в саду, когда он пришел.

— А у вас, кажется, хороший велосипед, — сказал он. — Легко ходит?

— Да, как все они — с утра легко, а после завтрака немного тяжелее.

Он неожиданно схватил мой велосипед за переднее колесо и сильно встряхнул его.

— Оставьте, пожалуйста, так можно испортить велосипед, — сказал я. Мне стало неприятно — если бы велосипед и заслуживал взбучки, то скорее от меня, чем от него: это все равно, как если бы чужой человек принялся ни за что ни про что бить мою собаку.

— Переднее колесо болтается, — объявил он.

— Нисколько не болтается, если его не болтать.

— Это опасно, — продолжал он. — У вас найдется ключ?

Поддаваться не следовало, но мне пришло в голову, что он, может быть, действительно смыслит в этом деле. Я отправился в сарай за инструментами, а когда вернулся, он уже сидел на земле с колесом между коленями, играя им как брелоком, а остальные части велосипеда валялись тут же, на дорожке.

— С вашим велосипедом случилось что-то